

Символы возврата вместо символов перемен

Массовая неудовлетворенность победой над путчистами возникла уже осенью 1991-го. Вопреки ожиданиям, не произошло быстрее, разом, избавления от советской бедности и униженности, бессилия и несвободы, второсортности и двоедушия | **БОРИС ДУБИН**

В декабре 1991 года абсолютное большинство жителей России (52 проц.), отвечая на вопрос тогдашнего ВЦИОМа, назвали крупнейшим событием минувших 12 месяцев попытку государственного переворота 19–21 августа: в списке событий она заняла первое место. По избитой формулировке, прошли годы... В декабре 2010 года важнейшими памятными датами года предстоящего, в котором с тех августовских событий должно было исполниться 20 лет, россияне в ходе опроса Левада-Центра назвали совсем иные события (самые яркие из них, значимые более чем для четверти опрошенных, см. в таблице 1 на с. 7).

«20 лет со времени государственного переворота (ГКЧП, 1991)» причислили теперь к важнейшим датам лишь 9 проц. опрошенных – 10-е место среди памятных дат текущего года. Впрочем, такое распределение оценок установилось раньше. (Данные декабря 2005 года о предстоящих датах 2006-го см. в таблице 2 на с. 7; первые четыре события-лидера – ровно те же.)

«15 лет со времени государственного переворота в 1991 году» стало в 2005 году шестой по значимости датой, ее отметили тогда 16 проц. опрошенных. Так или иначе, прежнее

живое событие переместилось в прошлое, оценки очевидным образом изменились – и по величине, и по смыслу. Из событий интересующего нас года вперед выдвинулся, как видим, «распад СССР». В этой перспективе стоит рассматривать теперь и две первые позиции списка: они отсылают к тому героическому целому, которое в конце 1991 года распалось. О том, как это все произошло и что означает, мой краткий социологический очерк из истории политических символов в постсоветской России.

О символах

Но сначала – несколько слов о символах вообще и политическом символизме в частности. Я буду говорить о них с позиции социолога, тем более что эта тема, особенно в российских социальных науках, затрагивается сравнительно редко¹. Используя категорию «символ», социология рассматривает действие индивида или группы в терминах культуры, то есть соотносит их поведение с теми или иными целями и мотивами, коллективными нормами и ценностями, а значит – с ориентирами и правилами другого порядка, иной, не эмпирической природы, обобщенными, условными, можно сказать, невидимыми

Таблица 1

КАКИЕ ИЗ ЮБИЛЕЙНЫХ ДАТ 2011 ГОДА ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМИ?*	
70 лет со дня начала Великой Отечественной войны (1941)	58
50 лет со дня полета Гагарина в космос (1961)	53
25 лет со дня чернобыльской катастрофы (1986)	34
20 лет со времени распада СССР (1991)	28

Декабрь 2010 года; N = 1611; в % к числу опрошенных.

* В этой и последующих таблицах приводятся данные опросов Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ)

ми и предъявленными не напрямую, а через символический посредник или переход.

В содержательном плане символы для социологии — это символы идентичности. Они отмечают границы той или иной общности и включают «в работу», в сознание и поведение людей побуждения и санкции более общего, или более «высокого», уровня. В каждом исследуемом случае важен конечно же характер и масштаб референтной общности: круг ближайших родственников или национальное целое, этническая община или человечество как таковое, объединены ли они кровью, происхождением либо убеждениями, знанием, верой, и если да, то какими именно.

Тогда *политические* символы — это отсылки к политическим общностям различного характера и масштаба, указания на место (престиж) данной общности среди других, отделенных от нее символическими рубежами и по-разному оцененных, что предопределяет отношение к ним (они «выше» или

«ниже», «ближе» или «дальше», «хуже» или «лучше»). В роли политических символов могут выступать наделенные соответствующей семантикой объекты, фигуры или действия — конечно, как знаки и значения, а не в качестве «их самих», вещей, людей и проч. Такими качествами наделяются и так воспринимаются тот или иной вполне конкретный деятель, природный либо рукотворный предмет (скажем, монумент или, словами Иосифа Бродского, «твердая вещь»), чье-то действие (допустим, военная или спортивная победа). Их изображения (еще один план опосредования и перехода) могут быть относительно наглядными, а могут — предельно условными, ни на что реальное не похожими. Так, стела или свастика — это результат двойной символизации, зрительного представления беспредметного или невидимого.

И действующим лицам, и изучающему их действия социологу принципиально важно при этом отделять значения, идеи, ценности от конкретных личностей, предметов,

Таблица 2

КАКИЕ ИЗ ЮБИЛЕЙНЫХ ДАТ 2006 ГОДА ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМИ?	
65 лет со дня начала Великой Отечественной войны (1941)	64
45 лет со дня полета Гагарина в космос (1961)	50
20 лет со дня чернобыльской катастрофы (1986)	47
15 лет со времени распада СССР (1991)	31

Декабрь 2005 года; N = 1600; в % к числу опрошенных

ситуаций, поступков, попросту говоря — обобщать. Понятно, что разные социальные и культурные группы владеют таким умением в разной степени. Тем не менее явления едва ли не языческой персонификации власти, неотрадиционалистского идолопоклонства, сакрализации конкретного руководителя, институции либо их символов и атрибутов в тот или иной исторический период нового и новейшего времени представляют собой крайний случай. Поэтому они требуют повышенного внимания и подлежат специальному исследованию.

“Вопреки ожиданиям, не произошло быстрее, разом, избавления от советской бедности и униженности, бессилия и несвободы, второсортности и двоедушия”.

В реальном обиходе, будь то действительность нынешнего дня или историческое прошлое, имеет смысл различать разные *пространственные* характеристики символов и символических образований (наборов, «цепочек»). Символы подразделяют, обозначают, организуют действия в *горизонтальном* плане — например, отделяя «нас», «наших» от «них», «чужих», и в плане *вертикальном* — указывая на действия низших или высших по статусу, происхождению либо, в самом общем плане, к здешнему, «земному» миру и миру запредельному, «небесному». Вместе с тем символы могут относиться к различным *временным* планам, пластам явлений и действий, отсылая к прошлому, настоящему или будущему, началу или концу, перелому или возврату и, соответственно, характеризуют те или иные события в категориях созидания либо разрушения, хаоса либо порядка. Важно, кроме того, отсылают ли символы к действиям и общностям, в социологическом смысле слова, «*закрытым*», которые держатся на принудительном членстве, изоляции членов от окружающего мира и исключении

всех других (племя, тюрьма), или «*открытым*», построенным на свободном и добровольном включении любого (рынок, общество, человечество).

Символы связываются в «цепочки» (по сходству, близости, причинно-следственным связям), включаются в развернутые «сюжеты» или сами служат началом сюжетосложения. В этих более широких символических образованиях они получают ту или иную интерпретацию, связываясь со значениями испытания, гибели, избавления, победы и, случается, переосмысливаясь, а то и полно-

стью меняя семантику в каждом таком новом контексте.

Повышение употребительности и значимости символов, их роли в общественной жизни социологи обычно связывают либо с закрытыми средами, настойчиво подчеркивающими, тщательно охраняющими свои периметры (тайное общество, армия), либо с ситуациями, когда границы идентификации и ядерные структуры идентичности, напротив, теряют привычную, общепринятую определенность, — явлениями перехода, динамики, сдвига. Понятно, что символы и значения в двух этих планах будут различаться. Точно так же в последнем случае — при нарастающей проблематичности символического целого и его границ с «другими» — могут активизироваться и символы открытости, перемен, общественного подъема, воодушевления, и, напротив, педалироваться символика утраты, упадка, общественной демобилизации, отчуждения. Выдвигать и принимать те и другие, очевидно, будут разные группы, отличающиеся по месту в социальных структурах и социальных про-

цессах, по смысловым горизонтам и оценкам; также будут отличаться условия, механизмы и траектории распространения и рецепции символов разного типа.

Примечательно, что ослабление «идейных» разногласий на верхах власти, устранение их из политики либо, по крайней мере, с публичной авансцены, перенос «за кулисы», «под ковер» всегда так или иначе идущей фракционной борьбы повышают символическую роль открытых, демонстрируемых политических церемониалов. При этом последние сводятся преимущественно к ритуалу единения безальтернативной власти в лице воплощающего ее внеконкурентного вождя-триумфатора с благодарным народом либо к актам показательного устрашения врагов и возмездия отступникам. Различные общества XX века дают здесь социологу, который обращается к историко-типологическим сопоставлениям, богатый эмпирический материал.

Путч и победа: изменение контекста

Массовая неудовлетворенность победой над путчистами возникла в стране (тогдашнем СССР) практически сразу — уже с осени 1991-го. Причиной стало то, что акт триумфа, стремительного одоления угрозы не продолжился явными, убедительными, необратимыми переменами, на которые надеялись самые разные слои населения. Вопреки ожиданиям, не произошло быстрее, разом, избавления от советской бедности и униженности, бессилия и несвободы, второсортности и двоедушия. На фоне таких чаяний, при всей их смутности и вместе с тем остроте, преобладающая часть россиян (38 проц.) увидела в ситуации после 22 августа «сохранение прежних порядков» (27 проц. расценили происходящее как «развитие демократии»). Опять-таки 38 проц. не обнаружили в обстановке после 22 августа открывающихся «возможностей для эффективных реформ» (30 проц.

настаивали, что подобные возможности открылись), однако половина (48 проц.) опрошенных сочла, что руководство России не использует возможности реформировать страну, и абсолютное большинство опрошенных россиян (57 проц.) признали: все остается, как было. Обстановка осенью 1991 года оставалась неопределенной, но более сильную норму в данном случае все-таки задавали коллективные ожидания перемен, и этим ожиданиям руководство России (Борис Ельцин и его тогдашняя команда, имевшие ценный символический ресурс победителей) не смогло оперативно соответствовать.

Социолог сказал бы, что процесс изменений не приобрел здесь институционального воплощения и развития, а историк напомнил бы, к примеру, о мае 1945 года — еще одной победе без последующих перемен в структуре и культуре общества, укладе жизни при фантастических толках среди деревенского населения о роспуске колхозов или надежд интеллигенции на «новизну народной роли» (Борис Пастернак). На мой взгляд, стоило бы поставить вопрос о подобных победах — без дальнейших, «дальних» результатов, как о модельной черте советского социально-политического уклада, в котором победа — это спасение от непосредственной угрозы и возврат к прежнему порядку, но без кардинальных перемен. Точнее, речь идет о синдроме запоздалой, задержанной модернизации советского типа, которую постоянно пытаются контролировать из центра и сверху, в которой отсутствуют механизмы массовой поддержки и развития, а потому сам процесс не приобретает последовательного характера и зависит от тех или иных индивидуальных или фракционных властных решений *ad hoc*.

Начало экономических преобразований (отпуск цен) решающим образом ухудшило социальную ситуацию. И в то время, и впоследствии много говорилось о тогдашнем

быстром падении уровня жизни большинства населения — люди и сами отметили прежде всего эту, наиболее болезненную для них сторону дела. Но осталась почти не замеченной и совершенно неотрефлексированной показательная *реакция* этого большинства на хозяйственные перемены. На фоне распространившихся надежд на благоприятные изменения, поддерживаемых массмедиа и авторитетом первых лиц, удар, который был нанесен по достаточно скромному советскому благополучию семей, сделал явными характерные особенности социума и человека, какими они стали за десятилетия советского строя: социум был раздробленным, а человек — атомарным. К концу 1980-х, в рамках общественного оживления, эти особенности советской социальности как будто бы несколько смягчились, показалось даже, что тут наступил едва ли не перелом. Но уже с 1991 года к большинству вернулось привычное недоверие к окружающим, которое — при усиливающейся фрагментации социума, ослаблении и разрыве большинства социальных связей — сохраняется по сей день. Выражением этих изоляционистских настроений и поведенческих тактик, стремления замкнуться в кругу семьи и партикулярной жизни стал, в частности, рост недоверия к окружающим (см. таблицу 3 на с. 10).

На сколько-нибудь массовую поддержку со стороны такого «человеческого материала»

реформаторам рассчитывать не приходилось (теперь, годы спустя, стоит заметить, что они о ней не очень задумывались и весьма слабо ее искали, а свои возможности, напротив, переоценивали). Так, авторитет Ельцина стал рушиться уже с 1992 года. Власти начали метаться, но ничего разумного предложить обществу в таком его состоянии не смогли или не захотели. Отойдя от первого шока, значительная часть россиян, сильнее других затронутая экономическими нововведениями (от роста цен и исчезновения сбережений до ваучерной приватизации) и отрицательно оценившая вооруженный способ решения конфликта на политических верхах в октябре 1993-го, сумела собрать силы, по крайней мере, для разовой коллективной акции — протестного голосования в декабре 1993 года, которое вернуло на политическую авансцену исчезнувшую было КПРФ и вывело туда Жириновского с его ЛДПР (и то и другое, как потом выяснилось, надолго).

Разрыв между населением и властью довершила чеченская война, не поддержанная большинством россиян. Попытки Ельцина, отшатнувшегося от реформаторов в правительстве уже в конце 1992 года (отставка Егора Гайдара), перенести опору на военных, а потом на олигархов ничего не изменили. Они лишь растянули прощание с кратким периодом перестройки и реформ, на время замаскировав этот процесс то поисками

Таблица 3

С КАКИМ ИЗ ДВУХ СУЖДЕНИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?									
	1989 г.	1991 г.	1998 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Людям можно доверять	52	34	23	22	26	26	26	27	30
С людьми надо быть осторожным	41	42	74	76	72	68	69	66	66
Затруднились ответить	6	24	4	2	2	5	5	7	5
Число опрошенных	1400	2400	1700	1800	1600	2000	2000	1600	1600

«национальной идеи», то полуприкрытым возвращением советского в виде «Старых песен о главном» и т. п. Ельцин оказался в самоизоляции, но при этом на пересечении линий борьбы за и против него как персонафицированной высшей власти. Эта единичность, безальтернативность центральной фигуры и главного символа до предела радикализовала позиции соперников — а летом и осенью 1993 года уже открытых противников, чья схватка завершилась еще одной «победой» без реальных достижений и позитивного продолжения. В 1995–1996 годы со стороны Ельцина последовала еще одна попытка переломить нарастающую

ходом к власти. За этим практически немедленно последовала расправа «чекистов» с «олигархами» и медиамагнатами Гусинским и Березовским, разгром НТВ и переход крупнейших массмедиа в государственную собственность или под контроль государства (тех же «чекистов»), а затем, как последняя акция публичного устрашения, — показательное «дело ЮКОСа», и — в целом — масштабный передел гигантской собственности в свою пользу.

Процесс массовой переоценки августа 1991 года, а вместе с ним всех событий и фигур рубежа 1980–1990-х, к середине и во второй половине 1990-х принял форму

“Единоличный лидер во главе «понятной» властной иерархии символизировал для слабого большинства желанный социальный порядок и державную целостность”.

тенденцию — утрату контроля над ситуацией и потерю поддержки. Стремление любой ценой сохранить всех возможных, каких угодно сторонников повлекло неизбежные издержки: те, кто «вложил» в победу Ельцина свои финансы и влияние, требовали, чтобы с ними «расплатились». На тот момент риторика противодействия угрозе «коммунистического реванша» — по привычному для России образцу гражданской войны («или — или») — фактически осталась единственным ресурсом Ельцина и его тогдашнего окружения.

Однако ни эти выборы, ни то, что за ними последовало, не принесли Ельцину в полной мере и не обеспечили с достаточной надежностью ни прежней поддержки, ни новых сторонников; на выборах 1996-го он пытался собрать хотя бы старых, но к 1998-му (дефолт) и 1999-му (думская инициатива импичмента) по большей части потерял даже их. Игры (то прощупывающее заигрывание, то уловки в стремлении переиграть) с силовиками в конце 1990-х закончились их при-

«делиберализации» общественного сознания. Из-под нестойких наслоений демократической и реформаторской риторики стали проступать гораздо более долговременные, традиционные представления и ориентиры. Коллективные ожидания россиян сосредоточились на безальтернативной фигуре твердого «вождя», который наконец вернет желанную «стабильность». Единоличный и твердый лидер во главе «понятной» (потому что привычной) властной иерархии символизировал для слабого большинства желанный социальный порядок и державную целостность. Вместе с тем этот процесс переоценок был связан с обозначившейся к середине 1990-х годов «неотрадиционализацией» коллективного сознания, рамок и векторов коллективной идентификации, ретроспективной идеализацией советского «прошлого» — фигуры Сталина (но не сталинской эпохи!) ², и особенно — брежневского периода ³. Наконец, к этим смещениям в коллективных ориентациях присоединились

укрепившиеся настроения массового изоляционизма — бытовой агрессивной ксенофобии, символического отчуждения от Запада, демонстративного антиамериканизма, риторика «особого» пути⁴.

Важно подчеркнуть, что такой сдвиг шел на всех уровнях — во власти, в медиа, в массах. Запрос на твердую руку и возвращение риторики великой державы, мифа об «особом пути», фрагментация социума и огосударствление медиа — лишь разные стороны одного описываемого процесса, единой последовательности событий. Так

героям этой победы, можно сказать, уже не было места.

Больше того, массмедийная пропаганда 2000-х годов цинично эксплуатировала разочарование масс и усиленно поддерживала в зрителях представление о «лихих девяностых» как эпохе распада и хаоса. Важнейший элемент этой установки — то, что от подступившей катастрофы страну спасли именно силовые структуры, выходцы из которых составили большинство представителей власти на верхних уровнях иерархической вертикали. Произошедшее с людьми, социу-

“Победу демократической революции в августовских событиях двадцатилетней давности видят к настоящему времени почти исключительно **МОСКВИЧИ**”.

сложился своеобразный «квадрат» воображаемых коллективных ориентиров, страхов и надежд россиян второй половины 1990-х годов: советский неотрадиционализм — советская же великодержавность — изоляционизм и ксенофобия — вождизм. Среди «идей, которые могли бы, скорее всего, объединить сейчас российское общество», уже в 1995 году на первое место вышла «идея возрождения России как великой державы» (ее назвали 43 проц. опрошенных россиян при 4 проц. высказавшихся за «идею демократии»). Преобладающая часть населения страны год за годом усиливала ориентацию на символы национального целого, державного престижа, советского прошлого, окрашенного в ностальгически-радужные тона. В опросе москвичей в 1997 году — подчеркну, именно москвичей — абсолютное большинство (56 проц.) расценили августовские события 1991 года как «отошедшие в историю» (сочли их актуальными 26 процентов). И это понятно: в новых (подновленных и дополненных старых) смысловых рамках путчу, победе над путчистами,

страной за пятнадцатилетие 1985—1999 годов, в двойном движении навстречу другу другу «коммуникаторов» и «коммуникантов», всячески вытеснялось теперь из актуального сознания, из публичной сферы, из области рефлексии, а потому так и не стало для общества, его ведущих групп, заинтересованных слоев и населения в целом реальной проблемой и необходимой задачей для понимания. Интересы все более консервативной, впадающей в авторитаризм власти сошлись тут с настроениями массы, а образованное и квалифицированное меньшинство, интеллигенция, которая могла бы и должна была выразить и удержать смысл происходившего, оказалась парализована собственными переживаниями потери места и статуса в обществе. К тому же более молодые ее слои частично уехали из страны, другие перешли в развлекательный «глянец», а значительная часть остальных переключилась на прямое обслуживание той же власти, вписавшись в новые медиа, переквалифицировавшись в политтехнологи, советники, спичрайтеры и т. п. Показательно, что в «нулевые» годы в

ретроспективных оценках предшествующего 15-летия у россиян преобладают исключительно негативные (опрос 2002 года, N=1600 человек). Из позитивных для значительного слоя людей вспоминается лишь «исчезновение дефицита, насыщение потребительского рынка» (42 проц.), но и оно уступает по значимости «самым важным изменениям», которыми стали для массы «распад СССР» (55 проц.), «разгул преступности» (53 проц.), «снижение уровня жизни, обнищание большей части населения» (49 проц.), «кризис производства» (44 проц.).

Картина истории и место августа 1991 года в ней

В рамках «новой» картины коллективного прошлого, которая сложилась к концу 1990-х годов, на правах главных событий XX века утвердились теперь начало (Октябрьская революция), триумфальный пик (победа в Отечественной войне, полет Гагарина) и распад Советского Союза, а в первой дюжине главных «героев всех времен и народов» оказались Ленин, Сталин, Гагарин, маршал Жуков, президент Путин, Брежнев. Можно сказать, восстановилась официальная конструкция истории позднесоветских лет с добавлением к ней «конечной» точки распада советского целого и символического имени того, кто «спас» Россию от окончательной гибели.

В этой новой системе координат были соответственно переоценены события, факты, действующие лица российской истории 1989–1991 годов, мотивы и результаты их действий, включая август 1991-го. Вот как выглядят оценки Августа на протяжении последнего пятнадцатилетия: к концу девяностых и особенно позднее респонденты все больше делают упор на «гибельные последствия» тогдашних событий, тогда как понимание случившегося как всего лишь «дворцового переворота» параллельно этому слабеет (см. таблицу 4 на с. 13).

Победу демократической революции в августовских событиях двадцатилетней давности видят к настоящему времени почти исключительно москвичи — такой ответ выбрали 28 проц. опрошенных в столице при 4 проц. в крупных городах и 6–7 проц. в остальных городах и в селах.

До двух третей опрошенных в последние годы либо не могут вспомнить своих реакций 1991 года, либо ссылаются на то, что не успели в те дни разобраться в ситуации, или же признаются, что были слишком малы, чтобы понять происходящее (характерно, однако, что старшие им об этом как будто не рассказали. Не посчитали важным?). Половина респондентов сегодня не в силах припомнить хотя бы одну фамилию — ни среди участников ГКЧП, ни среди тех, кто им противо-

Таблица 4

КАК ВЫ СЕГОДНЯ ОЦЕНИВАЕТЕ СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДИВШИЕ В СТРАНЕ 19–21 АВГУСТА 1991 ГОДА?							
	1994 г.	1998 г.	2000 г.	2004 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.
Победа демократической революции, покончившая с властью КПСС	7	8	10	11	11	8	10
Трагическое событие, имевшее гибельные последствия для страны и народа	27	31	33	36	34	36	39
Просто эпизод борьбы за власть в руководстве страны	53	46	46	42	41	43	35
Затрудняюсь ответить	13	15	11	11	14	13	16

В % к числу опрошенных, N=1600

Таблица 5

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ПРИВЕЛО К РАСПАДУ СССР В ДЕКАБРЕ 1991 ГОДА?*	
Общий развал страны при Горбачёве/в ходе перестройки	55
Конфликт между Ельциным и Горбачёвым	28
Личные амбиции руководителей республик бывшего Советского Союза	27
Ошибочная политика КПСС в национальных вопросах	25
Путч ГКЧП в августе 1991 года	21
Руководство СССР не сумело своевременно предложить республикам новый образец Союза	21
Происки зарубежных врагов СССР	15
Затруднились ответить	7

* Можно было выбрать несколько ответов, привожу наиболее популярные.
2001 год; N=1600; в % к числу опрошенных

стоял (кроме Ельцина, конечно). При этом симпатий по адресу представителей ГКЧП и их действий у российского населения нет. Ведущий мотив, который приписывает им массовое сознание, — «они стремились укрепить свою власть». Этот же властный код задает понимание действий Горбачёва и Ельцина: первый, по мнению большинства, «растерялся, выпустил власть из рук», второй — «использовал смуту» для того, чтобы эту власть захватить в свои руки, — таково мнение самой большой группы респондентов (свыше 40 проц.).

Но эти их действия, вкуче с аналогичным поведением амбициозных руководителей союзных республик, привели к распаду СССР, крупнейшему антисобытию века, как оно видится из сегодняшнего дня⁵, — в отрица-

тельной оценке распада СССР единодушно теперь большинство россиян. Падение Советского Союза заслонило от них августовские события — и по смыслу в умах, и по присутствию на телеэкранах, в выступлениях первых лиц. Более того, сам путч, понятый как конфликт между руководителями в верхах власти, был поставлен в ряд причин, приведших к распаду Союза (см. таблицу 5 на с. 14).

Спустя 10 лет после распада СССР главных виновников, как видим, двое: Горбачёв и Ельцин. Напомню, что в 1988–1989 годах от 45 до 50 проц. опрошенных россиян считали Горбачёва человеком года, в 1990–1991-м от 38 до 45 проц. называли в этом качестве Ельцина. Теперь, ретроспективно можно сказать, что радикальная переоценка Горбачёва произошла уже в 1990–1991 годах, Ельцина —

Таблица 6

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К БОРИСУ ЕЛЬЦИНУ?								
	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Положительное	7	10	10	7	10	9	8	22
Нейтральное	37	31	34	35	32	33	39	43
Отрицательное	53	56	54	55	56	55	48	27
Затруднились ответить	3	3	2	3	2	3	5	8

В % к числу опрошенных, N=1600

Таблица 7

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЭПОХА ЕЛЬЦИНА ПРИНЕСЛА РОССИИ...								
	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Больше хорошего	15	17	14	13	16	13	15	29
Больше плохого	67	66	69	71	69	70	64	40
Затруднились ответить	18	17	17	16	15	17	21	31

В % к числу опрошенных; N=1600; в 2007 году опрос проводился 23—26 апреля, после кончины Бориса Ельцина

в 1992—1993-м. Так что достаточно устойчивая композиция их взаимосвязанных оценок сложилась уже к середине 1990-х годов — в дальнейшем она сколько-нибудь серьезно не менялась. Некоторое смягчение отношения к Ельцину и даже к его эпохе проявилось лишь после кончины первого президента России в 2007 году (см. таблицы 6 на с. 14 и 7 на с. 15).

Уже приходилось писать о том, что Россия середины и второй половины XX века как будто могла бы двигаться, по крайней мере, по двум траекториям⁶. Одну линию можно отметить, например, точками 1945 (победа), 1956 (XX съезд), 1986 (возвращение Андрея Сахарова из горьковской ссылки) или 1989 (Первый съезд народных депутатов либо же кончина Сахарова), 1991 (август и декабрь). Эту линию можно назвать траекторией выхода из тоталитарного социально-политического порядка. Или иначе: путем к свободе, с пересмотром, в этой перспективе, значения, фигур и событий Октябрьской революции, 1920—1930-х годов, войны и далее. Узловые точки другой траектории: 1945 (победа), 1961 (полет Гагарина), 1986 (Чернобыль), 1991 (распад СССР), 1999 и далее (совпадающие позиции в двух перечнях, как говорилось выше, получают в пределах данной символической «цепочки» разную семантику). Условно назову эту вторую линию возвратом к несвободе — траекторией понижающейся адаптации масс, их апатичной безучастности при безответственной власти, контролирующей незаконно полученную собственность.

Или по-другому: символическим возвратом к советскому, но демобилизованному и разобщенному, раздвоенному и лукавому, равнодушному и всеядному, все более циничному состоянию коллективного сознания⁷. А потому — к коллективному бездействию, бездействию именно коллектива, поскольку его общее действие, как уже говорилось, исключительно зрительское⁸. Это не общество, а публика, причем, по известной формулировке Вальтера Беньямина, «рассеянная». Нельзя сказать, что какой-то из этих ретроспективно и гипотетически прочерчиваемых путей россияне — поодиночке или вместе — действительно долго выбирали и, наконец, выбрали, однако в итоге получилось так, что страна пошла по привычной для нее, худшей дороге. Исследователи России не раз отмечали эту особенность отечественной истории на ее распустьях⁹.

Проблематика и символика перемен, с которых начинались «перестройка» и «гласность», возможности «стать другими» были оставлены в стороне, а фигуры их инициаторов и наиболее активных участников, героев вытеснены в забвение. Фактически из событий и имен конца 1980-х—начала 1990-х годов в коллективной памяти остались только распад СССР и чернобыльская катастрофа как его провозвестник. Это и понятно. Чтобы общественное мнение могло ценить и оценивать какие-то перемены, дорожить ими и удерживать их относительно согласованную, коллективную оценку, необходимы, как

Таблица 8

НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ БЫЛИ В ТО ВРЕМЯ ВАШИ СИМПАТИИ?		
	2001 г.	2002 г.
ГКЧП	14	16
Противников ГКЧП	28	18
Не успел разобраться	31	41
Затрудняюсь ответить	26	25

В % к числу опрошенных; N = 1600 человек

Таблица 9

КТО БЫЛ ПРАВ В ТЕ ДНИ?		
	2001 г.	2002 г.
ГКЧП	14	20
Противники ГКЧП	23	17
Не успел разобраться	18	32
Затрудняюсь ответить	45	31

В % к числу опрошенных; N = 1600 человек

Таблица 10

НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ БЫЛИ В ТО ВРЕМЯ ВАШИ СИМПАТИИ?			
	2006 г.	2007 г.	2008 г.
На стороне ГКЧП	12	8	11
На стороне Ельцина и демократов	22	21	23
Не успел разобраться в ситуации	32	33	34
В то время я был(а) еще ребенком	20	20	19
Затрудняюсь ответить	14	18	14

В % к числу опрошенных; N = 1600 человек

Таблица 11

КТО БЫЛ ПРАВ В ТЕ ДНИ?			
	2006 г.	2007 г.	2008 г.
ГКЧП	13	8	11
Ельцин и демократы	12	16	17
Ни те ни другие	52	46	49
Затрудняюсь ответить	23	30	23

В % к числу опрошенных; N = 1600 человек

называл это Морис Хальбвакс, «социальные рамки памяти»¹⁰. Нужно *собственное* участие в тех реальных и мысленных сообществах, вместе с которыми, от имени которых или ради которых люди помнят и вспоминают прошлое, пусть даже воображаемое, как часть своей жизни, пусть даже нелегкую. Нужны, наконец, *коллективные* формы, *институциональные* каналы закрепления, поддержания и передачи такого общего опыта — искусство, массмедиа, школа, внутрисемейная межпоколенческая трансляция. Если таких рамок нет или они расшатаны, изображение теряет четкость, растет доля не определившихся и затрудняющихся с ответом; характерно, что таковых теперь в сумме — до двух третей опрошенных. В таблицах 8–11 (на с. 16) показано, как ретроспективно менялись массовые симпатии и антипатии к участникам августовских событий 1991 года на протяжении нулевых (набор «подсказок» в вопросах тоже трансформировался, но тенденция видна — явный перелом произошел между 2001 и 2002 годами).

Рамка оценок 1991 года, как говорилось выше, самым серьезным образом трансформировалась уже к 1994 году. Опрошенные жили теперь в другой стране, они прошли через начальный, самый болезненный период гайдаровских реформ, через труднейший в экономическом, политическом, социальном отношении 1993 год, наконец, через развязанную властями и генералитетом чеченскую войну.

Важно и еще одно: россияне все меньше чувствовали себя участниками событий, происходящих в стране, а все больше — их созерцателями. Социолог скажет, что они составляли теперь другую общность — общество зрителей. Они были мысленно вместе, были воображаемо едины именно и только в этом своем зрительском качестве. Даже если это были физически «те же самые» люди, то думали они о себе и других, о стране и власти

уже по-иному. Скажем, в 1991 году абсолютное большинство опрошенных (55 проц.) считали, что успеху ГКЧП помешали решительные действия руководства России. Через десять лет эту оценку поддержали только 9 проц., а главную причину провала ГКЧП россияне усмотрели, можно сказать, в «технических» недочетах — «плохой организации» путча, а также в тогдашнем расколе в армии и МВД. В 1991 году 57 проц. россиян считали, что в августе 1991-го «победил народ». Через десять лет с этим согласились только 20 процентов. Так что на вопросы социологов теперь отвечал уже «другой народ». В 1991 году 45 проц. «того», «прежнего» народа считали, что с победой ГКЧП они стали бы жить хуже, среди народа образца 2001 года эту оценку поддержали только 17 проц., а до двух третей в сумме либо признали, что для них ничего бы не изменилось, либо затруднились с ответом.

По-другому для этого «другого народа» выглядела и история, даже совсем недавняя. Во-первых, за эти годы приобрело свое нынешнее, ключевое значение такое событие, как распад СССР, — так что и Горбачёв, и Ельцин фигурируют теперь в коллективном сознании по преимуществу как «виновники» этого развала. Во-вторых, для подавляющего большинства россиян перестала быть определяющей сама тогдашняя альтернатива «или—или»: коммунисты или демократы, реформы или застой. Можно сказать, что победили не те и не другие: победили, как всегда, *третьи*, — фигуры, сами по себе, по своим идеям и способностям, незначительные, но олицетворяющие надежды масс на «вождя» и «порядок», державную роль России в мире и ее особый исторический путь.

В этом смысле с середины 1990-х, но с особенной четкостью — с начала «нулевых» стало очевидно, что разыгрывается уже другая пьеса. Несущие слова в ее заглавии — «стабильность» и «безопасность». У нее другие

протагонисты (героев и лидеров здесь нет в принципе), и главный из них — воплощенный чиновник, человек системы, по преимуществу не вызывающий у масс явной антипатии, но и только. Другой здесь и «народ». Его роль исполняют, составляя «большинство», «массу», так называемые «люди привычные» — не только привыкающие ко всему, но и привыкшие жить привычкой. Даже если они признают, что жизнь в стране изменилась, то в их жизни как будто бы все остается неизменным.

Вот почему август 1991-го, который, казалось, мог стать символом новой России, им не стал. Характерно, что большинство сегодняшних россиян не считают сколько-нибудь важным праздником День независимости (таковым его признали в 2010 году лишь 3 проц. опрошенных, десятью годами раньше их было 2 проц.) и готовы от него отказаться. Место нового символа в общем мемориальном багаже россиян заняли через 10 лет после августовских событий, с приходом Владимира Путина, символы вполне старые, советские — герб, гимн, пятиконечная звезда, Сталинград. До половины опрошенных в 2000—2003 годах (45—48 проц.) назвали лучшей политической системой советскую, 13—18 проц. — демократию по образцу западных стран. До половины населения признали демократические свободы для себя не важными (см. таблицу 12 на с. 18).

Понятно, что укрепление политических позиций силовиков, на которых, по мнению

большинства россиян, опирался Путин и чьи интересы он выражал, не вызвало у преобладающей части населения негативных эмоций: две трети — 64 проц. из 1 600 опрошенных в 2003 году — признали, что усиление ФСБ пойдет на пользу России. Их оппонентами выступили лишь 9 проц., остальные воздержались от определенного ответа. Чаемого и обещанного порядка с тех пор, правда, не прибавилось — вероятно, именно поэтому россияне и сегодня ставят его значительно выше демократии (впрочем, и ее они видели не так уж много) (см. таблицу 13 на с. 19).

Прошлое: новое, старое, старо-новое

В первой половине 1990-х годов инициативы Ельцина и его команды были направлены на отказ от советского опыта — как российского прошлого и как собственного «наследия». Однако вопреки этим инициативам уже при позднем Ельцине, но особенно в первый период путинского президентства произошло символическое «примирение» массы российского населения с «советским» как «своим», как «нашим прошлым» — более того, население примирилось с инерцией советского опыта как своеобразной «национальной традицией». Вместе с тем символы советского — из которых, отмечу, вычеркнута память о тоталитарном государстве и его карательных институтах, о ГУЛАГе и Холокосте, о репрессиях против целых слоев населения, депортациях целых народов и

Таблица 12

ЛИЧНО ДЛЯ ВАС ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ СВОБОДЫ (СВОБОДА СЛОВА, СВОБОДА СОВЕСТИ, СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ВОЗМОЖНОСТЬ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИНФОРМАЦИЕЙ)...		
	1994 г.	2004 г.
В целом важны	51	45
В целом не важны	31	47
Затрудняюсь ответить	18	8

В % к числу опрошенных

Таблица 13

ЧТО СЕЙЧАС ВАЖНЕЕ ДЛЯ РОССИИ: ПОРЯДОК ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?	
Демократия	23
Порядок	56
Затруднились ответить	21

2010 год; N = 1600; в % к числу опрошенных

других разрушительных сторонах советской власти, всего образа жизни в СССР – прошли через своего рода «декоммунизацию». Символы советского теперь связаны в общественном сознании не с коммунистической партией, ее руководством, тоталитарной пропагандой и т. п., а с идеализированным образом коллективного существования «всего народа». Впрочем, в нулевые годы была в позитивном плане переоценена и роль коммунистической партии (см. таблицу 14 на с. 19).

Между тем в 1990 году доверие КПСС высказывали 29 проц. опрошенных россиян, не доверяли 58 проц. (остальные затруднились с ответом). Пятьдесят процентов соглашались тогда с тем, что 6-ю статью о руководящей роли КПСС нужно удалить из Конституции, не соглашались с этим 23 процента. Пятьдесят шесть процентов высказались против того, чтобы впредь КПСС играла ведущую роль в обществе, за сохранение такой роли «проголосовали» 20 процентов. Относительное большинство россиян признало правильным решение Бориса Ельцина

о запрете КПСС (38 проц. сочли такое решение неправильным). В 1992-м 58 проц. согласились с тем, что бывших членов КПСС нужно устранить от важных постов в государстве, 22 проц. были против подобного решения.

События августа 1991 года к началу 2000-х годов оказались значимыми лишь для меньшинства россиян, причем меньшинства, не обладающего социальной оформленностью, отчетливо выраженными интересами и ценностями, независимым авторитетом, автономными и влиятельными коммуникативными каналами. Поэтому первоначальные положительные оценки августовских событий и связанные с ними надежды быстро снизились, а в качестве общезначимых для большинства эти события признаны теперь только в негативном смысле – как символы распада, утраты, катастрофы.

Выступавшие на социально-политической сцене конца 1980-х – первой половины 1990-х годов не сумели сделать собственные взгляды, оценки, программы, прогнозы сколько-нибудь общезначимыми, автори-

Таблица 14

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ РОЛЬ КПСС В ЖИЗНИ СТРАНЫ ВО ВРЕМЕНА СОВЕТСКОГО СОЮЗА?		
	2004 г.	2006 г.
Положительно	63	60
Отрицательно	25	21
Затруднились ответить	12	19

В % к числу опрошенных, N=1600

тетными за пределом узкого круга «своих», реально действующими в «большом» социуме, в других слоях и группах. Абсолютное большинство россиян не доверяет каким бы то ни было политическим партиям и движениям, кроме «партии власти», иными словами, не видит в них выразителей своих интересов. Мнения практически всех кандидатов, притязавших стать элитой, включая множество дутых фигур и мнимых элит, были вытеснены плебисцитарной моделью общественного мнения — риторикой «общенациональных интересов» и «особого, единого и

рения, как «особый путь» — разновидностью лабиринта или тупика.

Казалось бы, за двадцать прошедших после Августа лет произошла смена поколений, а параллельно ей — сдача позиций, потеря места и фактический конец целого социального слоя, интеллигенции, переход ее символической власти и коммуникативных ресурсов к новым распорядителям, амбициозным молодым менеджерам. Но и то и другое, что характерно, разворачивалось под «старыми» символами. Интеллигенция не смогла создать и ввести в общественный

“Интеллигенция не смогла создать и ввести в общественный оборот новые ценности, а новое поколение не вошло в ценностный клинч с предыдущим”.

уникального пути». Причем нынешние общественно значимые, принятые большинством населения символы и знаковые фигуры — это, подчеркну, символы не коллективного участия, а, напротив, массовой *отстраненности*: они максимально удалены от обычной жизни россиян, от их повседневной деятельности, не связаны с чьей бы то ни было реальной активностью в обществе.

Группы хоть сколько-нибудь активных граждан, без которых реальная демократия и реальный демократический порядок в стране невозможны, сколько ни укрепляй «властную вертикаль», не представляют сегодня в российском социуме самостоятельных и значимых субъектов социального, политического, гражданского действия. Поэтому так называемое «прошлое» в России, можно сказать, не делается *настоящим*, ориентиром и опорой сегодняшнего поведения, но и не становится действительно *прошлым* — упорядоченным и осмысленным в результате «работы» коллективной памяти, в которой заинтересовано общество, его группы и слои. «Прошлое» по-прежнему выступает синонимом повто-

оборот новые ценности и символические цепочки, а новое поколение, включая тех же менеджеров, не вошло в ценностный клинч с предыдущим — не захотело, не сумело, не сочло нужным (вероятно, считая интеллигенцию слишком маломощной, больше того, пережитком «совка», либо переоценивая собственную силу и независимость, свою модность и крутость). Не возникло ценностного конфликта, мировоззренческого столкновения, а значит, не наступила и его рефлексия, анализ, обобщение, которые и составляют реальную, не подиумную работу культуры и заботу людей культуры. Члены социума не пожелали и не смогли стать «другими» в перспективе будущего и не нашли в себе ни сил, ни интереса для осмысленного и последовательного прощания с прошлым.

В обществах Нового и Новейшего времени, ориентированных на достижение целей и повышение качества образования, техники, услуг, благ, жизни как таковой, в обществах, как их еще называют, «модерных» или «развитых» — в отличие от традиционного социума с его ритуалами символического возвраще-

Таблица 15

ЕСТЬ ЛИ У ВАС ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ ДВИЖЕТСЯ НАША СТРАНА, КАКИЕ ЦЕЛИ ПОСТАВЛЕНЫ ПЕРЕД НЕЙ ЕЕ НЫНЕШНИМ РУКОВОДСТВОМ?							
	2004 март	2005 авг.	2006 авг.	2009 авг.	2009 дек.	2010 авг.	2010 дек.
Довольно ясное представление	18	14	22	20	14	17	15
Довольно смутное представление	43	41	36	43	45	44	38
Нет никакого представления	23	22	23	21	27	21	30
Ясно, что дела в стране пущены на самотек	14	18	13	8	8	9	12
Затруднились ответить	4	5	5	8	6	9	6

В % к числу опрошенных, N=1600

ния — прошлое и настоящее строятся по лекалам будущего. Будущее возможно, поскольку это общая цель, и оно лучшее из возможных, поскольку есть результат выбора и соревнования. (Понятно, такова генеральная идея, действительность, конечно, намного запутанней, но мы ведь говорим об идеальных реальностях, о символах.) В постсоветской России символы нового начала — перестройка, победа над ГКЧП, День России и т. п. — отвергнуты, но и перспектива не задана. У неструктурированного, пустого нынешнего времени («нулевые годы») нет ни «начала», ни «конца». Поэтому использованы старые символы — Октябрь, Ленин (в ослабленном виде), Победа и Гагарин, усиленные предвосхищающими значениями катастрофы, распада и гибели (Чернобыль, конец Союза, развал экономики, «единого пространства» и т. д.). Символы отсылают к единству, которого нет, а старое в их наборе кентаврически соединено с новым. Однако фрагментарность — это не многообразие, не сложность,

а нарастающее упрощение, и двойственность старо-нового выступает здесь механизмом невключения социальных акторов в ситуацию, неопределенности самой ситуации, постоянного отодвигания решений, отсрочки признания своей принадлежности и сколько-нибудь ясной перспективы, действительного пути (см. таблицу 15 на с. 21).

В таком контексте любые фундаменталистские поиски мифического «начала», кто бы их ни инициировал, обречены остаться безрезультатными. Поскольку координаты не заданы, а идея особого пути лишь подчеркивает границу («особый»), но не содержит энергетическую семантику движения, то и оценка правильности-неправильности курса, как его ни понимай, с годами становится лишь все более неопределенной (см. таблицу 16 на с. 21).

Итак, отвергнутыми оказались символы перемен, а, напротив, востребованными — символы возврата (что, конечно, не означает в реальности — социальной, экономиче-

Таблица 16

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ ОЧЕРЕДНАЯ ГОДОВЩИНА ПУТЧА 1991 ГОДА. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАЧИНАЯ С ЭТОГО МОМЕНТА, СТРАНА ПОШЛА...								
	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.
В правильном направлении	30	27	25	30	28	33	30	27
В неправильном направлении	47	49	49	44	37	40	37	49
Затрудняюсь ответить	23	24	26	26	35	27	33	24

В % к числу опрошенных, N=1600

ской, политической — никакого *возвращения*). Причем, как уже говорилось, этот перенос «центра тяжести» произошел на всех уровнях — во власти, в медиа, в массах. В результате перед нами теперь с помощью медиа, включая новейшие технологии, изо дня в день разворачивается *церемониализм власти*, когда регулярные театральные спектакли руководства страной дополняются, по мере приближения выборов, чем-то вроде спортивного матча, псевдосоревнова-

ния претендентов (по крайней мере, так оно выглядит на авансцене, на телеэкранах — без закулисья). Ему отвечает зрительское поведение, *спектакторство массы* — поглядывание на весь этот театр *между прочим*, по модели телесмотрения, но на протяжении всего имеющегося у масс «свободного времени», вне профессиональных, семейных и любых других ролей, вне ролевых обязательств и ответственности за сделанное и несделанное. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Определяющим для меня здесь выступает подход Юрия Левады. См. его статью 2001 года «Люди и символы» в его книге «Ищем человека» (М., 2006. С. 187–201), развивающую идеи автора еще 1970-х годов. основополагающие работы по политическому символизму принадлежат Мюррею Эдельману: см., например: *Edelman M. Politics as Symbolic Action*. N. Y., 1971 (или любое другое из последующих изданий). Образцом исторической проработки темы остается известный, перепечатающийся до нынешнего дня труд Джорджа Мосса: *Mosse G. L. The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. N. Y., 1975.

² По данным опроса Левада-Центра в 2008 году, желание жить при таком руководителе, как Сталин, высказали только 3 проц. россиян, при этом к «самым выдающимся людям всех времен и народов» его отнесли 36 процентов. См.: *Дубин Б. Миф Сталин // Преодоление сталинизма / Под ред. Г. Михалевой. М., 2009. С. 112–118.*

³ Подробнее об этом см.: *Дубин Б. Сталин и другие // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1 (63). С. 13–25; № 2 (64). С. 26–40; Он же. Лицо эпохи: Брежневский период в столкновении различных оценок // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3 (65). С. 25–32.*

⁴ Более развернуто см. об этом: *Левада Ю.*

«Человек советский»: четвертая волна. «Человек особенный» // *Вестник общественного мнения. 2003. № 2. С. 7–14; Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Он же. Негативная идентичность. М., 2004. С. 496–551; Дубин Б. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 6. С. 25–35; Он же. «Противовес»: символика Запада в России последних лет // *Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 23–35; Он же. Мифология «особого пути» в общественном мнении современной России // Идеология «особого пути» в России и Германии. М., 2010. С. 211–229.**

⁵ В послании 2005 года Федеральному собранию президент Путин назовет распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века».

⁶ *Дубин Б. Две даты и еще одна // Вестник общественного мнения. 2006. № 5. С. 24.*

⁷ *Левада Ю. Человек лукавый // Он же. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 508–529.*

⁸ См.: *Гудков Л., Дубин Б. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С. 31–45.*

⁹ См., например: *Карацуба И., Куружин И., Соколов Н. Выбирая свою историю. М., 2006.*

¹⁰ *Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.*